

К 200-ЛЕТИЮ БЕТХОВЕНА

Глашатай идей гуманизма в музыке

Идеология французской буржуазной революции, ее бурные события побуждали всех талантливых мастеров музыки к углублению содержания своих сочинений. Эта миссия, оказалась по плечу поистине гиганту в области музыки — титану немецкой и всей мировой музыки Людвигу ван Бетховену, гениальному мыслителю, одному из величайших глашатаев гуманистических идей в развитии музыкальной культуры человечества. Под знаком мужественности, жажды борьбы в его творчестве развивалось все музыкальное искусство XIX столетия. От творческого наследия старших современников Гайдна, Глюка и Моцарта гений Бетховена как бы перекидывает мост к истокам немецкого романтизма — Гофману, Веберу, Шуберту. Более того. Глубоко конкретным, а зачастую и откровенно программным содержанием своей музыки великий Бетховен дает творческий стимул корифеям романтически-программного искусства — Шуману, Листу, Вагнеру. Непонятый некоторыми своими современниками, великий Бетховен, современник Гегеля и Гете, уверенно дает настрой всему искусству будущего. Принципы бетховенского цикла сонат и симфоний по существу вдохновляют весь мировой симфонизм второй половины XIX века и нашего XX столетия. Великие бетховенские конфликты — взаимоотношения личности и эпохи, столкновения жизни и смерти, света и тьмы — разве не эти основополагающие мотивы лежат в основе творчества Чайковского, Глазунова, Малера, Скрябина, Сибеллуса, Рахманинова, Шимановского, Николая Мясковского, Сергея Прокофьева, Дмитрия Шостаковича, Яниса Иванова, Дмитрия Кабалевского, Адольфа Шкулте, Арама Хачатуряна, Бориса Лятошинского и других мастеров музыки?

Борьба за существование — лейтмотив биографии Бетховена с того времени, как он поселился в Вене (1792 год). Родившийся в Бонне молодой талантливый музыкант нашел себя в совершенной виртуозности игры на фортепиано (особенно в импровизации) и в сочинении камерной, симфонической, а также вокально-симфонической музыки.

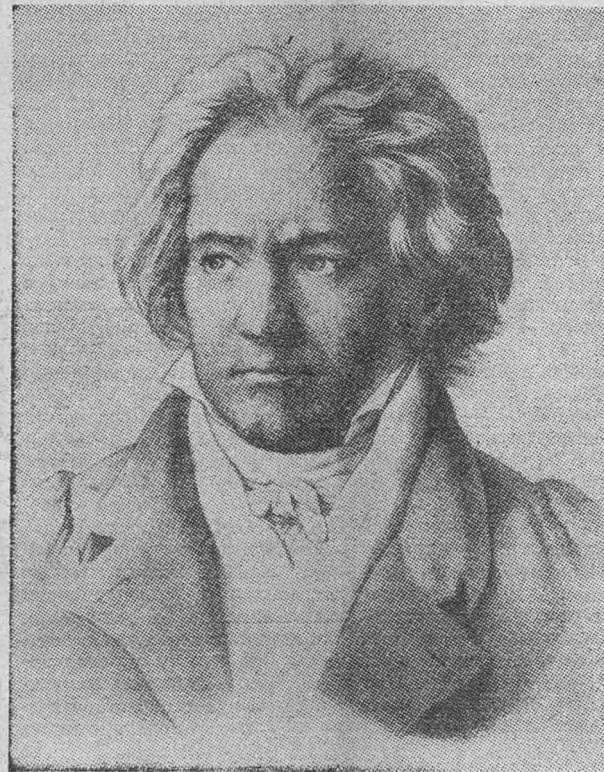
Но, как известно, рядом с борьбой за глубину идей в музыке, с поисками общечелове-

ческой философской мысли стояла личная трагедия Бетховена. В 1801 году в письме другу юности курземскому пастору Карлу Аменде (1771 — 1836) композитор сообщает о прогрессирующей болезни слуха. Трудно представить себе большую трагедию для музыканта, чем глухота. Он даже думает о самоубийстве. Но под влиянием идеалов французской буржуазной революции Бетховен сумел преодолеть свою личную трагедию. Героическая симфония (1804), знаменитая Пятая симфония (1808), любимая В. И. Лениным фортепианная соната «Аппассионата» (1804), опера «Фиделио» (1805/14), VI Пасторальная симфония (1808), Торжественная месса (1823), последняя — IX симфония (1824) и многие другие сочинения крупной и малой формы свидетельствуют о том, что в тот тяжелый для композитора период он действительно «выпился в горло своей жестокой судьбе». Он боролся и победил.

Многие проблемы и по сей день занимают умы музыковедов — невероятная сила личности «симфониста симфонистов» (Эмиль Дарзинь), далеко идущее влияние его многогранного творчества.

Одна из этих проблем связана с огромным влиянием Бетховена в Восточной Европе. В 1824 году в Вене на последнем авторском концерте Бетховена его Торжественная месса не могла прозвучать во всей полноте. Она казалась чуждой музыкальным нормам того времени. Но в том же, 1824 году, 26. III (7. IV) гениальное сочинение было впервые исполнено в Петербурге. Первым в мировом музыковедении открыл дорогу бетховениане основоположник русского классического музыковедения Владимир Одоевский (1804 — 1869), пламенный пропагандист творчества Глинки, Баха и других музыкантов мировой величины. Литературное творчество Одоевского вполне характеризует новелла «Последний квартет Бетховена», опубликованная в 1831 году. Знаменателен и конец этой новеллы — композитор умирает в нищете, в одиночестве, а венская аристократия занята последними сплетнями, дворцовыми интригами...

В латышской печати впервые появились публикации о Бетховене в 27-м номере «Маяс Виести» за 1871 год и затем в

«МУЗЫКА ДОЛЖНА ВЫСЕКАТЬ ОГОНЬ ИЗ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА»

L. van Beethoven

статье Адама Оре, в еженедельнике «Рота» № 47 за 1886 год. Знаменательно стремление первых латышских профессиональных музыкантов подчеркнуть черты борца-новатора в личности Бетховена. По существу это тенденция в понимании творчества Бетховена, которой под влиянием Радищева, декабристов, а также Герцена и Белинского следовали лучшие люди России первой половины XIX века — Глинка, Даргомыжский, Грибоедов, Лермонтов, Серов и другие почитатели таланта немецкого композитора. Так понимали Бетховена и представители творческой интеллигенции следующих поколений — мастера «Могучей кучки», Рубинштейн, Глазунов, Стасов, Танеев, Тургев, Толстой, Лядов и великие мыслители XX века. В первом издании уникального «Бал-

тиас музыку календарс» (1890) первый профессиональный латышский музыковед композитор Ян Страуме (1861—1929) опубликовал отрывок из биографии Бетховена — о столкновении взглядов великого композитора и князя Лихновского в конце 1807 года, где приводились знаменитые слова Бетховена о принцах и князьях, которых много, и о Бетховене, одном-единственном... Можно не сомневаться, что идейные основы публикации Яна Страуме продиктованы взглядами прогрессивной латышской интеллигенции того времени. Статья о Бетховене по существу была призывом к творческой самостоятельности личности, призывом к презрению всей аристократии и реакционного прибалтийского дворянства в том числе. Именно по этой линии в пропаганде творчества Бет-

ховена шли также Андрей Юрьян, Язеп Витол, Николай Алуан, Эмиль Дарзинь, Ян Залитис, Альфред Калнынь и другие мастера латышской классической музыки.

Не менее интересный круг проблем связал Ригу с творчеством Бетховена. Как показывают уникальные материалы отдела рукописей Фундаментальной библиотеки АН Латвийской ССР, впервые музыка Бетховена (редко исполняемая соната для валторны и фортепиано оп. 17) в нашем городе прозвучала еще в сезоне 1803 г. II, III, VI симфонии Бетховена из Вены быстро дошли до Риги. В 1814 году сочинения Бетховена уже включались в программу рижских музыкальных вечеров, а 22 июля 1818 года впервые за пределами Германии исполнялась опера «Фиделио», которая в рижском немецком театре до 5 сентября 1819 года ставилась шесть раз. Латышским ремесленникам, не говоря уже о приезжих крестьянах, эти представления, разумеется, были недоступны. Более близкое знакомство, ознакомление с Бетховеном латышских хоровых коллективов началось в 40-х годах XIX века, когда появились публикации некоторых бетховенских работ духовного характера на латышском языке.

На третьем Празднике песни в 1888 году известный латышский пианист Людвиг Бетнь (1856 — 1930) на концерте вокально-инструментальной музыки исполнял Первый (или Третий) — это еще предстоит выяснить) фортепианный концерт Бетховена. Нет сомнений, что как в Ирлавской, так и в Валкской учительских семинариях гений Бетховена нес свой свет в латышский народ. Когда именно и на каких прогрессивных мероприятиях искусство гениального немецкого мыслителя находило отклик в растущей латышской интеллигенции — это целый комплекс вопросов, которыми еще будет заниматься современное советское музыковедение.

Декабрь этого года — бетховенский месяц. Бесчисленные концерты, мероприятия, которые проводятся сейчас по всей советской стране, свидетельствуют о немеркнущем величии гениального музыканта.

Ольгерт Гравитис